

Цю Чэн и управляющий уже привыкли к тому, что Гамильтон время от времени бормочет что-то себе под нос. Цю Чэн, повернувшись к Юнь Сю, пояснил:

— Не пугайся, госпожа, наш дизайнер любит поговорить сам с собой.

— Нет, я не боюсь, господин, — ответила Юнь Сю, с любопытством заглядывая в комнату.

Управляющий постучал в приоткрытую дверь. Изнутри послышалось корявое «проходите», и он толкнул дверь, пропуская гостей внутрь. Второй этаж по площади не уступал первому, но был разделен всего на две комнаты, поэтому кабинет Гамильтона оказался невероятно просторным. У стены стоял большой камин, и в помещении было очень тепло.

За письменным столом сидел бородатый иностранец. Перед ним лежала груда развернутых чертежей, а на полу были разбросаны другие листы. Гамильтон, не поднимая головы, продолжал что-то чертить, невнятно бормоча себе под нос.

Юнь Сю, опасаясь наступить на эскизы, принялся осторожно собирать их с пола. Больше он ничем помочь не мог, но привести вещи господина в порядок был вполне в состоянии. Разглядывая листы, он невольно поразился: каждое платье на рисунках было невероятно изящным и роскошным. Даже без готового изделия по одним лишь эскизам можно было судить о красоте будущих нарядов.

Цю Чэн подошел к столу и, внимательно изучив чертеж, спросил:

— Гамильтон, есть что-нибудь новенькое?

Гамильтон, не отрываясь от работы, ответил:

— Рисую.

Юнь Сю заботливо положил собранные листы на свободный край стола. Гамильтон, заметив боковым зрением тонкие изящные руки, наконец осознал, что в кабинете есть кто-то еще. Возможно, из-за мягкого ковра, поглощавшего шаги, или из-за того, что Юнь Сю держался тихо, а на второй этаж заглядывали редко, дизайнер до этого момента не замечал его присутствия.

Но стоило ему поднять голову, как он понял, насколько Юнь Сю притягателен. Гамильтон бросил карандаш, вскочил и, обогнув стол, направился к гостю, восклицая:

— Drop-dead gorgeous!

Что в переводе означало — ошеломительно красив.

Цю Чэн и управляющий не поняли сложной иностранной фразы, но по восторженному взгляду Гамильтона и его порывистым движениям стало ясно, что тот поражен.

— Ни-хао, — Гамильтон протянул руку, желая познакомиться.

Юнь Сю посмотрел на его ладонь, затем на Цю Чэна и с ноткой зависимости в голосе позвал:

— Господин.

Цю Чэн сам протянул руку и коротко пожал руку дизайнера:

— Гамильтон, это моя жена, Юнь Сю. Рукопожатия излишни.

Гамильтон энергично потряс руку Цю Чэна, приговаривая:

— Твоя жена... о-о-о, очень красивый.

— Благодарю, — скромно ответил Цю Чэн, хотя уголки его губ невольно поползли вверх, выдавая гордость.

Юнь Сю действительно был хорош, и это признавали все. Слуги в доме Цю давно шептались о его красоте: в нем чувствовалась утонченная прелесть южных краев. Сначала он казался холодным и отстраненным, но стоило ему улыбнуться, как эта дистанция исчезала, уступая место удивительной нежности. Этот контраст был невероятно притягателен, и слуги даже поговаривали, что Цю Чэн женился на нем исключительно из-за внешности. Разумеется, это было чепухой.

Как бы то ни было, Гамильтон не мог отвести глаз от Юнь Сю. Стоило ему взглянуть на юношу, как прежний творческий застой сменился бурным потоком вдохновения, словно идеи обрели крылья.

— Ты, садись, — Гамильтон приволок стул от стены и поставил рядом с Юнь Сю.

Цю Чэн и управляющий никогда не видели, чтобы этот чудаковатый дизайнер проявлял к кому-то такую услужливость. Юнь Сю был первым. Столь горячий прием смутил юношу:

— А? Благодарю вас, господин Гамильтон.

— Не стоит, — Гамильтон смотрел на него с таким жаром, что Юнь Сю пришлось сесть.

В комнате сидел только он один, а Цю Чэн и управляющий стояли рядом. Чувствуя себя неловко, Юнь Сю сжал руку Цю Чэна, ища поддержки. Гамильтон же, как только гость сел, тут же вернулся к своему столу, начал вносить правки в эскиз, то и дело поглядывая на Юнь Сю.

Юнь Сю, растерянно глядя на Цю Чэна, прошептал:

— Господин?

Цю Чэн крепче сжал его ладонь:

— Все хорошо, подожди немного.

Он не стал брать другой стул, а остался стоять рядом с супругом. Цю Чэн хорошо знал

Гамильтона за пять лет работы в лавке: если того посещало вдохновение, он всегда бросал все, чтобы запечатлеть момент. Так случилось и сейчас.

Вскоре Гамильтон отложил карандаш.

— Нарисовал, — он встряхнул лист и протянул его Юнь Сю. — Смотри.

Юнь Сю взял бумагу. Несмотря на беглые штрихи, платье выглядело великолепно. В отличие от пышных нарядов в лавке, этот эскиз представлял собой нечто воздушное, словно сотканное из тончайшей ткани. Правое плечо было украшено широкой лентой, спускавшейся по диагонали, в то время как второе оставалось открытым. На талии красовался пояс в форме солнца, подчеркивающий силуэт. Лиф, на первый взгляд простой, дополнялся изящными мелкими украшениями на груди, перекликающимися с декором пояса. Юбка состояла из нескольких слоев легкой ткани, становящихся длиннее к внешнему краю, что создавало эффект загадочности, лишь слегка приоткрывая ноги при движении.

Платье дышало грацией и возвышенной чистотой. Хотя Гамильтон не раскрашивал эскиз, Юнь Сю и Цю Чэн одновременно представили его в нежном кремовом оттенке. Это был не просто весенний наряд, а лицо магазина — модель, существующая в единственном экземпляре, предназначенная для знатных особ на торжественные балы. Такие вещи приносили огромную прибыль, а даже если их не продавали, они служили витриной, привлекая в лавку новых покупателей.

Гамильтон был в восторге. Создание шедевра — мечта любого дизайнера, а господин Юнь стал для него настоящей музой.

<http://bllate.org/book/22450/2359765>